

спву достапочно попрысепъ всѣ нервы. Приводящъ несчастнаго, раздѣвающъ, кладущъ голову на плаху—шупъ оканчивается любопытствомъ, въ минушу прекращенія жизни, если не всѣ зрители, то большая ихъ часть опворачивается. Ужасно сморѣшь на сверканіе попора, но еще ужаснѣе сморѣшь на *мертвую голову*. Вообразите себѣ, что опъ пресѣченія помелькихъ шейныхъ нервовъ и позвоночнаго мозжечка всѣ мышцы лица приходятъ въ сильное конвульсивное спраданіе, глаза на васъ выпучаются какъ будто хотѣли выскочить на васъ, какъ на виновника казни, губы блѣднѣютъ, лепечутъ что-то какъ будто угрожая вамъ; лицо дѣлаетъ опврапительныя гримасы, сопровождаемыя перекапомъ глазъ съ лѣва на право, съ низу въ подлобье. Ужасно видѣшь *мертвую голову!* ибо въ этой карпинѣ *человѣческое ужасное* (l'horrible humain) находится на высшей степенн опврапительности. Не любитъ видѣшь подобной карпины ни Россіянинъ, ни Словакъ, ни Чехъ, ни Ляхъ. Но Болгарину, Сербу, Босняку, Герцеговинцу и Черногорцу все равно; онъ на нее сморпитъ съ какимъ-то дикимъ усладеніемъ. Вотъ почему и *Миланъ*, съ какимъ-то поржеспвующимъ восхищеніемъ, вынулъ за споломъ дымящуюся еще голову Муссафы и поднесъ ее въ топъ брапу, въ присутствіи цевѣсты Турчанки, сеспры своей и